

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ СМЫСЛ АПОРИЙ ЗЕНОНА

Н. А. Смирнов

Казанский федеральный университет

Поступила в редакцию 24 ноября 2017 г.

Аннотация: тема данной статьи – классическая философская проблема мышления о целом (открытости целому), опыта встречи с явлением не отдельных вещей, идей, восприятий, смыслов, а мира как целого, смысла как такового (осмысленности как таковой). Это исходная метафизическая проблема, к которой обращена мысль первых философов, представителей элейской школы – Парменида, автора поэмы «О природе» и его ученика Зенона.

Методология работы, в первую очередь, – это комплекс феноменологических методов – феноменологическая редукция, эпохе, идеация (*wesenschau* – сущностное усмотрение), а также феноменология в общем смысле – рефлексивное внимание к смыслам, являющимся в сознании.

Результатом работы является сформированное автором особое понимание метафизического смысла апорий Зенона. Апории это не логические задачи для отвлеченного ума, а своего рода духовные упражнения, цель которых – разрушение привычных, естественных способов мышления, переход от аналитического способа восприятия мира к целостному.

Ключевые слова: апория, время, движение, ход (проходить), путь, знание и мнение, явление (явленность).

Abstract: subject of this article – a classical philosophical problem of thinking about whole (openness whole), experience of a meeting with the phenomenon not of separate things, the ideas, perceptions, meanings, and the world as whole, sense per se (intelligence per se). It is an initial metaphysical problem to which the thought of the first philosophers – Parmenid, the author of the poem «About the Nature» and his pupil Zenon is turned.

The work methodology, first of all, is a complex of phenomenological methods – a phenomenological reduction, an era, an ideation (*wesenschau* – an intrinsic discretion), and also phenomenology in a general sense – reflexive attention to the meanings which are in consciousness.

The special understanding of metaphysical sense of aporias of Zenon created by the author is result of work. Aporias it is not logical tasks for abstract mind, and some kind of spiritual exercises which purpose – destruction of habitual, natural ways of thinking, transition from an analytical way of perception of the world to complete.

Key words: an aporia, time, the movement, the course (to pass), a way, knowledge and opinion, the phenomenon.

Две тысячи лет назад в Великой Греции возникло первое, и до сих пор не превзойденное по ясности и простоте, метафизическое учение, изложенное в поэме Парменида «О природе» и в так называемых «апориях» его ученика Зенона. «Метафизичность» этого учения, как правило, отмеривается тем, что в нем речь идет о неподвижности бы-

тия, в отличие от учения Гераклита об изменчивости и непостоянстве всего сущего. Но вот парадокс: поэма Парменида, учившего о неподвижности, насыщена образами движения – ходами, путями, тропами, стезями и т. д. Основной «экзистенциальный» нерв поэмы – это выбор между двумя путями: путем истины и путем мнения. Первый путь, который проходит философ, – это восхождение к воротам дня и ночи. Здесь он узнает от богини о том, что есть два пути: путь смешения бытия и небытия и путь ясного различения их (путь мнения и путь истины). Истинный путь – понимание того, что небытия нет, что оно никак, никаким образом не может быть. Это значит, что небытие вообще нельзя представить, включить в поле внимания, которое полностью вмещает только бытие. Небытие – это не «дырочка» в бытии, которую можно заполнить, не отсутствие чего-то, из которого нечто возникает, хотя только что его не было. Небытие не может стать бытием, а это значит, что из небытия ничего не может возникнуть. Об этом смешении в головах смертных (о том, что небытие есть именно как отсутствие, «дырочка в бытии») и говорит Парменид: они (т. е. мы) полагают, что нечто может не быть, потом появиться и исчезнуть снова; что можно желать чего-то, чего у тебя нет, потом получить это и иметь, испытывая страх за то, что потеряешь, и все-таки потерять (в эту формулу, наверное, вмещается вообще все, любая вещь, например, моя собственная жизнь); что можно совершить сознательный выбор отдельно от вещи или прежде события, в которых он реализуется, решая, быть или не быть тому или иному событию или вещи.

Так, среди наших представлений появляется и ложное представление о движении – о том, что можно пройти из точки А в точку Б (и о том, что вообще есть эти отдельно стоящие позиции), о возникновении и уничтожении, о рождении и смерти и т. д. При этом речь идет, конечно, не об эмпирическом движении или изменении, но именно о «представлении о движении». Движение немислимо, понимать можно только то, что «есть» и не может «не быть» (т. е. не может возникнуть и исчезнуть), что дано сразу и во всей полноте явленности. «Путь» Парменида – это не движение из одной точки в другую, не переход от неведения к знанию, от бессмысленности к пониманию, от мира непостоянства к вечному бытию. Это скорее возвращение туда, где мы всегда уже находимся. Вообще, прийти куда-то можно только поняв, что уже находишься в этом месте. То есть эффект движения возникает из осознания нами какого-то события, но в самом событии движения нет. Нечто происходит только потому, что оно уже произошло, нечто может возникнуть, только если уже возникло, нечто может быть понято и осмыслено, если мы уже понимаем это. Точка Б совпадает с точкой А, когда мы находимся в ней (когда приходим в точку Б из точки А). Мнимое (иллюзорное) расстояние между двумя точками – это и есть пространство, которое заполняет наша жизнь (это то, что описывает Парменид, говоря о «пути мнения»). Это пространство наших достижений и разочарований. Здесь, находясь в точке А, мы

ставим цель в Б, и идем к ней, следуя или не следуя каким-то правилам, методам, принципам. Здесь, будучи А, мы желаем обладать Б удовлетворяем или не удовлетворяем эту жажду. Вся жизнь есть движение от А к Б – движение познания, движение размышления, движение творчества, движение страсти.

Самосознание этой жизни, в которой А всегда отдельно от Б, называется «мнением», потому что предмет его мнимый, пустой, недействительный. Все, что только может быть мыслимо, пережито, увидено, уже дано, явлено в горизонте неподвижного бытия. Действительность (реальность того, что со мной происходит) не создается мною в течение жизни (моими поступками, мыслями, чувствами), но некоторым образом уже есть во мне, а то, что представляется мне действительностью (мои поступки, мысли, чувства) есть скорее (всегда запоздалое) переживание и осмысление этого, того, что уже полностью совершилось. Платон позже выразил подобный опыт в своей теории воспоминания – наше познание и мышление есть раскрытие того, что уже есть в нас (до рождения – с безначальных времен). Все, что случается и происходит, – уже случилось и произошло, мы только вспоминаем (осознаем) это. Некоторая исходная полнота бытия настигает нас прежде, чем мы успеем об этом подумать. Всюду равное себе Бытие не принимает только одного – попыток схватить, достичь, добиться, догнать то, что и так есть у тебя.

Знаменитые апории Зенона – это не схоластические упражнения в доказательстве фактически ничего не значащих вещей, а своего рода ходы, которые нейтрализуют это естественное стремление догнать, понять, схватить Бытие. Хочешь сделать, стать, познать, пройти от А к Б? Попробуй для начала хотя бы задать расстояние для прохождения (найти метод, принцип, правило), отмерь размерность собственного усилия и посмотри, хватит ли (а если не хватит, то сколько нужно) его для того, чтобы что-то (хоть что, просто само следующее мгновение) произошло. Проблема в том, что для того чтобы из момента «сейчас» возникло следующее мгновение, чтобы за событием А последовало событие Б (примеры можно продолжать: чтобы применив такой-то метод, мы познали бы такую-то область знания; чтобы выбрав какой-то нравственный принцип или идеал, счастливо и достойно прожили жизнь), нам нужно было бы пройти бесконечное число шагов, сделать бесконечное (как по количеству, так и по интенсивности) усилие. Тем не менее за событием А следует Б, а из момента «теперь» возникает следующее мгновение. Значит, за этим стоит какая-то более серьезная субъектная сила? Философский ответ Парменида звучал бы иначе: все дело в том, что наше собственное усилие и создает эффект отличия А от Б или «следующего мгновения» от «сейчас». В действительности же есть одно сплошное бытие, данное полностью и сразу.

Апория – место, в котором перестает действовать привычный для нас порядок, согласно которому нечто создается нашим движением к этому нечто. И открывается новый миропорядок, согласно которому не-

что просто «есть», безусловно. Апория – точка сходимости этих двух миров, в которой один растворяется в другом; все наши движения, все ахиллеовы усилия разрешаются в сплошной (равнокруглой со всех сторон, со всех возможных позиций) бытийной реальности. Все размерности, все меры и единицы измерения упираются в невозможность снять мерку с самой реальности происходящего с нами. Тогда для философии апория – это не логическая задача, а скорее способ видения мира и жизни как неразрешимой для нашего ума проблемы (неохватное целое), как непроходимого пути. Непроходимого потому, что его и не нужно проходить. Нет пути как пространства для нашего усилия, есть только путь как место для устранения мнимого эффекта усилия, для понимания того, что движение не реально, что мы всегда возвращаемся в исходную точку. Внутри этого мира как апории и жизни как апории перестают действовать привычные для нас представления о движении. Например, представление о том, что существуют абстрактные принципы или убеждения, которые или присутствуют в нас в качестве предрассудков, или свободно выбираются нами. И есть сфера поступков, каждый из которых следует или не следует нашим убеждениям и, соответственно этому, является честным или нечестным, нравственным или безнравственным и т. д. Все смысловые точки в данном случае расположены на расстоянии друг от друга – отдельно я, который должен сначала двинуться в сторону убеждений, а потом от них к поступкам. Апория служит мостиком между бессмысленными попытками понять, поймать неуловимую простоту единства мира и возможность принятия (восприятия) этой неуловимости.

Теперь рассмотрим несколько возможных способов описания этого непроходимого пути апории.

Первый мы бы назвали апорией времени. В одном из фрагментов поэмы, стоящем достаточно обособлено относительно других, сказано:

«Однако созерцай умом отсутствующее как постоянно присутствующее,

Ибо не отсечет сущее от примыкания к сущему» [1, с. 288].

Парменид говорит здесь об основной интуиции всей поэмы – нет небытия, нет отрицания, все есть сплошной свет, явление, присутствие. То, что мы считаем отсутствующим, присутствует уже хотя бы потому, что мы его «считаем», говорим и думаем о нем, оно в поле нашего внимания. Само отсутствие всё время присутствует как необходимый фон присутствия, как то, благодаря чему мы выделяем и обозначаем присутствие как присутствие. Хайдеггер, размышляя об этих понятиях, *anwesen* (присутствие) и *abwesen* (отсутствие), даже придумал специальное слово – «*wesen*», которое можно перевести как «существование», некое единое поле отсутствия/присутствия. Вместе с отдельным восприятием всегда дан также единый горизонт восприятия как такового и всех возможных восприятий. Каким образом наше внимание, всегда обращенное к чему-то отдельному, может вместить этот единый горизонт

присутствия? Ответ дан в этой же строчке – «постоянно»; отсутствующее дано как «постоянно присутствующее». В. В. Библихин в работе «Чтение философии» [2] говорит, что греческое слово «Παρεοντα» означает присутствие чего-то наступающим, наступающим образом, как бы накатывающим на момент «сейчас» из неопределенной временности (прошлого или будущего). «ὑεβαίως», способ, каким присутствует отсутствующее, происходит от «βαίνω» – шагать, ступать. Отсутствующее наступает, приходит или уже наступило. Отсутствующее присутствует как уже наступившее, как догнавшее, достигшее присутствие. То есть, какую бы «дырочку» в бытии мы себе не представляли (например, смерть, или лишенность чего-то), она сама уже есть бытие, иначе не могло бы возникнуть и нашего представления. Даже самое далекое отсутствие достигает нас вместе с мыслью о нем. Мы обратили внимание на него, оно вошло в наш мир, вокруг него зазвучала в сознании (с той или иной громкостью) полифония возможных смыслов. Нам всегда видно то, что может быть видно, а следовательно, перед нами вообще всё, вся полнота явленности.

В то же время слово «λευδδω», переводимое Лебедевым как «созерцай», буквально означает «делать видным», «выводить на свет», «видеть при свете». Корень этого слова «λευκος» – «белый» – напоминает о нашем «белом свете» – просторе того, что видно, что у нас во внимании, что присутствует.

«Белый – сияющий, светящийся, и отсюда переход к зрению... для присутствующего, которое само собой ясно, зрение заключается в опознании этой ясности, «λευδδω παρεοντα», «высветли присутствующее». [2, с. 394].

Итак, «высветляй отсутствие как наступающее присутствие», т. е. обнаруживай бытие как сплошное, данное полностью, а не как данное частично, между двумя дырочками небытия/отсутствия (в зависимости от подхода, позиции, угла зрения). Всякое отсутствие, которое мы себе представляем как задачу (заполнить это пустое место своим решительным поступком, мыслью, действием), в действительности уже вышло на свет, присутствует во всей полноте. Отсутствие присутствует через время, которое из мнимого прошлого и будущего сжимается в настоящее, наступает, достигает нас, подобно тому, как сплошное и всюду равное себе Бытие, всей полнотой достигает в каждый момент нашу мысль. Время лишает нас движения тем, что собирается в «сейчас», встречая в точке, где мы находимся. Внимание ко времени избавляет от иллюзорного гипостазирования прошлого и будущего (например такого: «у меня было это, но у меня это отняли», или «я сам потерял это», или «я хочу этого, но у меня этого нет, я добьюсь, заслужу, завоюю это, и тогда у меня это будет»).

Второй способ назовем апорией совершенства. Одним из ключевых символов поэмы является символ шара. Бытие шаровидно, идеально закруглено со всех сторон, совершенно (шар в греческой философии –

символ совершенства). Это значит, во-первых, что Бытие не приемлет перспективы, подхода, точки зрения – оно равно себе со всех возможных сторон. Или, говоря иначе, встреча с Бытием неизбежна. Под каким бы углом зрения не смотрели мы, какая бы сторона не интересовала нас, мы всегда встретимся с идеально закругленной полнотой Бытия. Во-вторых, это означает, что совершенство, идеальная форма, к которой стремится всякая деятельность, которая является конечной целью нашего движения, еще прежде целеполагания, достигает нас в том месте, откуда мы ставим цель. Гармония мира не складывается из одного, другого, третьего действия, но сама по себе есть некая сложность, внутри которой становится возможным любое действие или событие. Совершенство – то, что совершилось, свершилось, завершилось. То, что существует только в законченной, конечной форме. Стремление к совершенству есть апория – космос (и всё, что в нем) сложился и совершился прежде, чем возникло желание «своими руками» выстроить его закругленную полноту.

Третий способ можно было бы назвать «апорией пути»: «Мне всё равно откуда начать, ибо туда и вернусь я по необходимости». [1, с. 288].

Истинный путь не имеет протяженности, его основным «качеством», его сутью, его отличием от всех других путей являются не исходные и конечные точки, не маршрут или интенсивность прохождения, а то, что он возвращает нас туда, откуда мы начинаем. Начинать можно из любой точки, главное – по прохождении пути обнаружить себя там же, в том же месте, откуда начал, увидеть иллюзорность пути (т. е. иллюзорность всего этого – конечных и исходных точек, маршрута и интенсивности прохождения). Увидеть, что «необходимость» пути в том, чтобы вернуться туда же, двигаться не двигаясь, пройти путь не проходя, без хода. Место, в котором оказывается Парменид (в котором богиня прямо говорит ему об истине), – это точка на границе дня и ночи, мгновение, зажатое между всеми возможными пространственными и временными промежутками. Поэтому путь к этому открытому месту, в котором видны сразу оба хода, тропа истины и тропа мнения, не может занимать никакого пространственного и временного отрезка, никакого расстояния, никакой разности положений. Пройти его можно только осознав, что находишься в *этом* времени и стоишь в *этом* месте (момент «сейчас», точка, мгновение – они ведь всегда при нас; «не быть» может только то, что «потом», или «раньше», или «там», и т. д.)

Думается, что именно *опыт явления* – это то, что лежит в основе элейской (и вообще всей) метафизики. Опыт встречи с явленностью, «высветленным» горизонтом сущего. Явление – то, что вышло на свет, стало явным, открытым, показало себя. Встреча с явлением – опыт осознания/понимания того, что мы стоим посреди света уже сейчас, и по-другому быть не может.

Литература

1. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики / под ред. А. В. Лебедева. – М. : Наука, 1989. – 575 с.

2. Бибахин В. В. Чтение философии / В. В. Бибахин. – СПб. : Наука, 2009. – 536 с.

Казанский федеральный университет

Смирнов Н. А., аспирант кафедры общей философии

E-mail: nikolay.smirnov.1992@mail.ru

Тел.: 8(929) 729-28-64

Kazan Federal University

Smirnov N. A., Post-graduate Student of the General Philosophy Department

E-mail: nikolay.smirnov.1992@mail.ru

Tel.: 8(929) 729-28-64